

«Петербургский дневник» представляет

**Николай
Коняев**

Немецко-фашистские захватчики обрушили на Шлиссельбургскую крепость бесчисленные снаряды и бомбы, но древние стены, скрепленные веками русской истории и духовности, помогли выстоять нашим героическим защитникам в этой страшной схватке.

Непобежденная крепость

Писатели на войне, писатели о войне

Писатели на войне, писатели о войне

Николай Коняев

Непобежденная крепость

«Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга»

2015

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622.11

Коняев Н. М.

Непобежденная крепость / Н. М. Коняев — «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга»,
2015 — (Писатели на войне, писатели о войне)

ISBN 978-5-91498-069-3

Орешек, Нотебург, Шлиссельбург... Этой крепости, когда к ней подступили в 1941 году немцы, исполнилось уже шесть веков, но она вступила в бой и, захватчики так и не сумели одолеть ее. Древние стены, скрепленные веками русской истории и духовности, сумели выдержать обрушившуюся на них огневую мощь врага. О подвиге защитников Шлиссельбурга, о героической, но такой не простой судьбе старинной крепости, о чудесах и загадках ее истории, неотделимой от истории всего нашего государства и рассказывает эта книга.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622.11

ISBN 978-5-91498-069-3

© Коняев Н. М., 2015

© Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга, 2015

Содержание

I	5
II	8
ПРОЛОГ	8
Глава первая	9
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Коняев

Непобежденная крепость

I

ВСТУПЛЕНИЕ

ПАСХА 1945 ГОДА

Сколько прочитано книг о войне! Воспоминания и романы, исторические исследования и сборники документов... И все равно получается, что о самом главном так и не знаешь еще.

Нет... Многое из того, что написано, верно.

Да, прямо с колес, порою даже и не прикрывшись от дождя и снега, начинали работать эвакуированные заводы... Да, насмерть стояли советские солдаты и в Бресте, и под Смоленском...

И причины наших неудач тоже известны: незавершенное перевооружение армии, врасплох заставшая нас война... А с другой стороны – работающая на Германию промышленность всей Европы, накопленный немецкими солдатами и генералами боевой опыт.

Все это понятно.

Но как понять, как объяснить, почему вышедшие на трамвайную остановку – и трамвай ведь шел прямо в центр города! – немцы застряли на этой остановке на два года, да так и не сумели взять Ленинград?

Конечно, защитники города проявили чудеса мужества и героизма, но разве у бойцов, оборонявших Брест, Киев или Смоленск, не было мужества? Разве мало геройских подвигов совершили солдаты разгромленных немцами по пути к Ленинграду дивизий и корпусов?

А под Москвой? Прорвав все линии обороны, танковые колонны немцев вырываются на Волоколамское шоссе, и только горстка панфиловцев прикрывает столицу, но эта рота и останавливает немецкие полчища – всю ту фашистскую армаду, которую не могли остановить наши армии, polegшие на московских рубежах!

И уж совершенно непостижимо случившееся в Сталинграде. Легко пройдя тысячи километров, гитлеровцы не сумели пройти последние десятки метров до Волги.

Непостижимо!

Можно, разумеется, рассуждать: дескать, на первом этапе войны «перемалывалась» немецкая военная мощь... Но в этом рассуждении стремления создать хоть какое-то подобие объяснения, пожалуй, больше, чем здравого смысла. Разумеется, немцы несли тяжелые потери. Но разве можно сравнить их с первоначальными потерями, которые несла Советская армия? И разница тут не в два, не в три раза, а в порядки! Советскому Союзу, как объясняют некоторые историки, легче было восполнить свои потери?

Ну а как же быть тогда с Ленинградским фронтом, где немецкие войска и снабжались нормально, и доукомплектовывались, а защитники города в это время гибли от голода, от непрекращающихся бомбардировок и обстрелов? А как же быть с осенью 1942 года, когда, потеряв гигантские промышленные районы, по своему потенциалу Советский Союз начал уступать Германии, ставшей еще могущественнее, чем в начале войны? Увы... Ничего не объясняет теория «перемалывания» в столь непостижимо совершившемся переломе хода войны.

Но, быть может, и не нужно искать объяснений там, где их нет?

Попробуем понять, кто и с кем сражался на войне, которая по праву названа Великой Отечественной.

Германия и СССР? Фашизм и коммунистическая идеология?

Эти альтернативы не только не способны объяснить чудо, которое объективно содержится в нашей Победе, но и не полностью отражают даже самую реальность войны.

Попробуем же взглянуть на факты, не замуривая глаза от того небесного света, которым наполнены они. Вспомним, что началась эта война 22 июня 1941 года, в День Всех Святых, в земле российской просиявших. А закончилась – 6 мая, на День памяти Георгия Победоносца, потому что на следующий день, 7 мая, Германия подписала в Реймсе предварительный протокол безоговорочной капитуляции. И выпало 6 мая 1945 года на Светлое Христово Воскресение... Совершенно другая, осиянная небесным светом война открывается перед нами, когда мы располагаем ее даты в соответствии с церковным календарем. И можно приводить тысячи объяснений, почему Гитлер выбрал для начала войны 22 июня, но они не способны заслонить самый главный смысл – именно в День памяти Всех Святых нанес оккультный рейх свой главный удар. И целью этого удара был не только коммунистический режим, не только захват новых земель, но прежде всего – сокрушение православной Руси... Конечно, далеко не все в Германии и очень немногие в России именно так и воспринимали эту войну.

Но это возражение ничего не опровергает.

Точно так же, как и рассуждение о борьбе с православием, которую в самом СССР остервенело вела ленинская гвардия.

Да, вела...

Но так и не смогли интернационалисты-ленинцы победить укоренившееся в русском языке и национальном характере православие. Чтобы победить его, мало было взрывать храмы и расстреливать священнослужителей. Для этого необходимо было уничтожить сам русский народ. И именно поэтому силы зла вместо не справившихся с задачей большевиков и избрали орудием борьбы с православной Россией оккультный Третий рейх.

К сожалению, мы мало пока знаем об этой войне...

Существует предание, которое приводит в книге «Заступница Усердная» иеромонах Филадельф, о явлении митрополиту Гор Ливийских Илие самой Божией Матери. Богородица открыла тогда, что должно быть совершено в России. Она указывала, что необходимо возобновить по всей стране богослужения... Обнести вокруг Ленинграда чудотворную икону Казанской Божией Матери... Совершить молебен перед этой иконой в Москве... Икона должна побывать и в Сталинграде... Митрополит Гор Ливийских Илия немедленно связался с представителями Русской православной церкви и советского правительства и передал то, что было положено передать.

Это, возможно, предание...

Но есть и факты. Мы знаем, что И.В. Сталин действительно прекратил гонения на православие, укоротив ретивых атеистов-коминтерновцев. Мы знаем, что повсюду начали открываться храмы, было восстановлено полноценное патриаршее управление Русской православной церковью.

И крестный ход совершили в Ленинграде, и в Москве отслужили большой молебен перед Казанской иконой Божией Матери, и – это не метафора, а объективная реальность! – произошла материализация Всех Святых, в земле российской просиявших...

Тогда танковые колонны и боевые самолеты приняли на себя имена русских святых, тогда ордена наших святых благоверного князя Александра Невского, праведного Федора Ушакова засияли на груди наших генералов и адмиралов!

И не поэтому ли и происходило немыслимое?

Не успевшие усесться в трамвай гитлеровцы словно в оцепенении замерли перед окруженным со всех сторон городом... Внезапно ударившие морозы сковали изготавившиеся к последнему прыжку на Москву стальные армады... Уже немецкие солдаты видели волжскую волну, но не могли пройти последние метры – словно незримая стена вставала перед ними. И это было так же непостижимо, как и церковь Иконы Казанской Божией Матери, что продол-

жала стоять среди обращенного в руины Сталинграда. Мало кто вспоминает, что именно на Казанскую икону Божией Матери и завершили Г.К. Жуков и А.М. Василевский подготовку плана контрнаступления под Сталинградом, в ходе которого, впервые с начала войны, удалось сосредоточить в районе наступления десять общевойсковых, одну танковую и четыре воздушные армии. Такую мощную силу невозможно было не заметить, но – это тоже впервые с начала Великой Отечественной войны! – немецкое командование не заметило ничего.

И разве случайно, что самое крупное танковое сражение, под Прохоровкой, ставшее переломным в ходе Курской битвы и всей Великой Отечественной войны, попало на 12 июля 1943 года – на День памяти первоверховных апостолов Петра и Павла?

Конечно нет!

Как и сама Победа, выпавшая на 6 мая 1945 года, на Светлое Христово Воскресение, на День памяти Георгия Победоносца.

Это и есть Божие чудо – дарованная нам Победа.

II НЕСДАВАШАЯСЯ КРЕПОСТЬ

ПРОЛОГ

9 сентября 1941 года командующего 1-й дивизией НКВД полковника Семена Ивановича Донскова вызвали к телефону. Звонил новый – это назначение состоялось 5 сентября! – командующий Ленинградским фронтом маршал Климент Ефремович Ворошилов.

– Кем занята крепость Орешек? – первым делом спросил он.

«Полковник Донсков, как мне позднее рассказал начальник разведки Карлов, ничего определенного ответить не мог, – пишет в своих воспоминаниях З.И. Бродский. – О существовании этой крепости на Ореховом острове в устье Невы в дивизии словно бы забыли»¹.

Ночью по приказу комдива к крепости двинулись тринадцать лодок с бойцами. Возглавляли их командиры взводов: пулеметного – старшина Кондратенко, стрелкового – младший лейтенант Охлоповский. Проводником назначили моряка М.А. Ганина, ранее бывавшего в крепости и хорошо знавшего ее расположение.

Пасмурным сентябрьским рассветом подошли к Орешку. Лодки на всякий случай оставили в укрытом месте. Осторожно обошли крепость.

Воинских частей в ней не оказалось.

Никого не было на острове: ни советских бойцов, ни гитлеровцев.

В дивизии с нетерпением ждали результатов разведки.

Зато вся крепость, подобно громадной пороховой бочке, была забита взрывчаткой, глубинными бомбами, ящиками со снарядами. Достаточно было одного тяжелого снаряда, чтобы она перестала существовать.

Семен Иванович Донсков, связавшись с командующим фронтом, доложил о результатах разведки.

– Без проволок занимайте крепость, – приказал маршал Ворошилов. – Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы враг вас опередил.

В ночь с 10 на 11 сентября с правого берега Невы начали переправляться в крепость стрелковые роты, минометный и пулеметный взводы.

Высадившиеся на острове бойцы шли к мрачной громаде крепости и исчезали в черноте ее ворот.

Пробравшись сквозь непроглядный мрак прохода, они попадали на открытую площадь, посреди которой возвышался храм Пророка Иоанна Предтечи.

Солдаты не знали, разумеется, во имя кого выстроена эта церковь, и, скорее всего, очень смутно представляли себе, кто такой вообще был пророк Иоанн Предтеча...

Но это ничего не значило.

Они пришли сюда защищать этот остров, эту крепость и эту церковь.

И произошло это 11 сентября 1941 года – в День Усекновения главы Иоанна Предтечи...

¹ Бродский З.И. Если приказано // Рубежи нашей молодости. – Л.: Лениздат, 1991. – С.19-20.

Глава первая РОКОВЫЕ ДНИ

*Учи же меня! Всенародным ненастьем
Горчайшему самозабвенью учи.
Учи принимать чащу мук – как причастье,
А тусклое зарево бед – как лучи!*

Даниил Андреев

Наверное, ни к одной войне не готовилась наша страна так, как к этой, ни одну войну не ждали так – и все равно ни одна война не была столь неожиданной для нас, ни к одной войне еще не были мы так не готовы, как к той, что началась в ночь на 22 июня 1941 года, на церковный праздник Всех Святых, в земле российской просиявших...

24 июня немцы вошли в Вильнюс.

26 июня взяли Даугавпилс.

28 июня – Минск.

29 июня – Лиепая.

1 июля – Ригу.

10 июля немцы овладели Псковом.

Этим числом, когда 4-я немецкая танковая группа двинулась в направлении Луги и Новгорода, и отсчитывается начало сражения за Ленинград.

В целом группа армий «Север», в которую помимо 4-й танковой группы входили 16-я и 18-я армии и 1-й воздушный флот, насчитывала до полумиллиона солдат. Командовал ими генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб.

Уже 12 июля немцы вышли к Лужскому укрепленному району, но здесь завязались кровопролитные бои. Только 15 августа, пробившись через заболоченную местность, немцы обошли Лужский укрепрайон с запада и, форсировав у Сабска реку Лугу, вышли на оперативный простор.

Одновременно ожесточенные бои развернулись на рубеже Порхов – Новгород, на фронте 11-й и 27-й советских армий, оборонявшихся против 16-й немецкой армии. Обе советские армии отошли к Старой Руссе и Холму.

14 августа немцы овладели Новгородом, 20 августа взяли Чудово, перерезав Октябрьскую железную дорогу, связывающую Ленинград с Москвой.

1

Формирование 1-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД, частям которой в ближайшие недели предстояло оборонять шлиссельбургский участок фронта, началось 22 августа 1941 года.

Согласно приказу № 0027 в дивизию вливались военнослужащие упраздненных немецким и финским наступлением 7-го Кингисеппского, 33-го Выборгского и 102-го Элисенваарского пограничных отрядов, окружная школа младшего начальствующего состава ленинградского гарнизона войск НКВД, а также сотрудники общей следственной тюрьмы тюремного отдела УНКВД по Ленинградской области. Командиром дивизии назначили полковника Семена Ивановича Донкова, бывшего начальника 102-го Элисенваарского погранотряда.

Формирование еще не было завершено, когда, захватив станцию Мга, немцы перерезали железнодорожное сообщение с Ленинградом и по Кировской железной дороге. Военный совет Ленинградского фронта принял тогда решение немедленно ввести дивизию в бой.

Считается, что дивизии был придан дивизион 152-миллиметровых гаубиц из 577-го корпусного артиллерийского полка, а также две роты танков Т-26 и КВ-1, но непосредственные участники боевых действий утверждают, что полки получили всего по два орудия и только по пять – вспомните о ящиках со снарядами, которыми был заставлен двор Шлиссельбургской крепости! – снарядов к ним.

Тем не менее боевая задача отбросить противника от Мги и выйти в район Войтолово – Сологубовка – Турышкино – Вороново, где следовало занять прочную оборону, была поставлена, и переправившийся на левый берег Невы 2-й стрелковый полк уже 29 августа 1941 года вступил в бой с частями немецкого 90-го пехотного полка на окраинах Мги.

Но, разумеется, удержаться на станции со своими десятью снарядами полк не сумел. Утром 6 сентября на участке фронта, который прикрывала 1-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД, был произведен массированный авианалет. Участвовало в нем 300 немецких самолетов. Бомбардировщики шли волнами, сменяя одну другую, в течение всего дня.

Потом двинулись немецкие танки.

7 сентября к 11 часам утра немцам удалось разрезать отступающие части дивизии: одна часть дивизии вынуждена была отступать на восток, другая оказалась отеснена к Неве.

«Бои на невском левобережье приближались к Ладоге. Весь день 7 сентября со стороны 8-й ГЭС доносилась артиллерийская канонада. Вражеская авиация бомбила Шлиссельбург, загорелось несколько домов... – вспоминал командир роты народного ополчения Дмитрий Кононович Фокин. – К вечеру наблюдатели мне доложили: десятка три вражеских танков, двигаясь к Шлиссельбургу, сгруппировались на Преображенском кладбище. Я связался с командиром расположенной поблизости артиллерийской батареи, информировал его о происшествии, попросил ударить по танкам.

– Не могу, – сказал старший лейтенант. – Кончились боеприпасы»².

2

Такой картина боя за Шлиссельбург представлялась с правого берега Невы, а вот как описывает эвакуацию из Шлиссельбурга ее непосредственный участник военком штаба 1-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД Зиновий Исаакович Бродский: «Весь вечер 7 сентября и всю ночь на 8 сентября сюда (на пассажирскую и угольную пристани) подавались баржи.

Огромным факелом пылала ситценабивная фабрика. Пламя вырывалось из всех окон. Горели дома.

Около трех часов ночи к угольной пристани подошла очередная баржа. Дежурный диспетчер Шлиссельбургской пристани Терещенко доложил мне, как старшему командиру на переправе, что это последний транспорт, на котором необходимо переправить через Неву оставшихся людей и технику. Не теряя даром ни одной минуты, бойцы погрузили на баржу два 45-миллиметровых орудия, несколько ручных пулеметов, две грузовые автомашины и около шестидесяти человек личного состава, большей частью раненых.

Около четырех часов утра наша баржа на буксире у мощного катера покинула Шлиссельбург. С большим трудом преодолели довольно сильное течение Невы в этом районе. Уже начало светать, когда мы неподалеку от Шлиссельбургской крепости причалили к правому берегу».

² Фокин Д.К. Мы – кировцы // Рубежи нашей молодости. – Л.: Лениздат, 1991. – С.70.

3

Тем не менее, судя по воспоминаниям, это был все-таки не самый последний транспорт из Шлиссельбурга.

7 сентября к горящему Шлиссельбургу прорвалась полуторка с молодежной агитбригадой Ленинградского Дома Красной армии, работавшей на фронте. Не доезжая восьми километров до Шлиссельбурга артисты остановились, понимая, что днем туда ехать нельзя. Стояли на берегу канала до темноты.

В результате в Шлиссельбург они въехали последними.

Кругом на улицах лежали убитые.

Город горел.

Встретился какой-то моряк.

– Где переправа?!

– А вы что? Гарнизон ушел! Давайте обратно!

– Нет, мы – в Ленинград!

– Ну, тогда быстро!

«Всю дорогу нас освещали ракеты, – вспоминал руководитель молодежной агитбригады старший политрук А.П. Сазонов. – Там очень крутой спуск, метров семьдесят, к пристани. Баржа, в ней восемь человек: «Мы весь гарнизон Шлиссельбурга!» Грузимся. Тут немецкие самолеты бросают бомбы – они поверху, на дороге ложатся. Шофер нашей машины Павел Иванович Романов – из Ленинградского Дома Красной армии, боец, с тридцать третьего года не имел ни одной аварии, был на финской, знает весь репертуар. Здоровый, краснощекий, сероглазый, за время наших скитаний отпустил усы. Ну, спокойствия полон прямо-таки эпического! наших девушек успокаивает: «Ничего, и теперь аварии никакой не будет!.. Вот плохо, что Шлиссельбург сдаем! Ведь последними из него уходим!» Машина наша уже в барже, а часть людей еще на берегу. Романов машину поставил, за нами наверх прибежал. А тут, на пристани – несколько тысяч снарядов. А нас бомбят! Мы боялись, что начнут рваться!.. Эти снаряды погрузить уже некому!

Наконец и мы на барже.

– Долго ли еще? Часа полтора стоим!

– Ну, разве придет катер, когда самолеты летают? Улетят – тогда он придет! Стояли часа четыре. Как на плахе. На небо смотрим. Самолеты кружились непрерывно. Наконец затишье. Катер, а в нем – три краснофлотца и три женщины. «Почему долго? И почему женщины?» Моряки усмеваются: «А это наши жены, умирать вместе решили!»

В их усмешках – явное презрение к смерти!

Только прицепятся к нашей барже – налетает самолет. Они отцепятся – и в укрытие, а баржу бросают. В этот день там потопили другую баржу, и мы того же боялись.

Лунная ночь. Бомбы в баржу не попадают, попадают рядом. Шлиссельбург горит, и немцы в пожар бомбы бросают.

Переправа через Неву длилась два часа. Завыли бомбы, всюду вспышки огня – сериями, пять-шесть бомб по берегу. Самолет нам виден, он от луны заходы делает. Зенитки наши уже не бьют!..

Когда покидали Шлиссельбург, никто не представлял себе ясную общую обстановку, и было невдомек, что мы чуть ли не последние свидетели трагического для Ленинграда события – в самый момент его возникновения, в первые часы его – начала ленинградской блокады. Ибо город оказался в блокаде тогда, когда наша баржа (последняя!) отвалила от пристани Шлиссельбурга в предрассветный час 8 сентября 1941-го...»

Интересны в этих воспоминаниях не только подробности неразберихи отступления...

И командир роты народного ополчения Дмитрий Кононович Фокин, наблюдающий за боем с правого берега Невы и узнающий, что на артиллерийской батарее нет снарядов, чтобы ударить по скоплению немецких танков, и политкомиссар Зиновий Исаакович Бродский, который, будучи старшим командиром на переправе, забыл на пристани «несколько тысяч снарядов», и актеры, которые, ожидая последнего катера, чувствовали себя на этих забытых снарядах «как на плахе», даже не заметили стоящей рядом, на Ореховом острове Шлиссельбургской крепости.

Ее как бы не существовало, и не только в их мыслях и планах, но она не попадала и на глаза им, хотя они и провели на берегу Невы в Шлиссельбурге несколько часов.

Поразительно, но и с другого берега реки, когда уже рассвело, тоже, как мы уже рассказывали, как будто не видели крепости!

Весь день командование 1-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД доукомплектовывало ослабленные полки, включая в их состав разрозненные соединения, переправившиеся с левого берега, занималось созданием оборонительного рубежа от деревни Кошкино до Невской Дубровки...

И только когда на следующий день, 9 сентября, полковник Семен Иванович Донсков получил конкретный приказ маршала Ворошилова, в Шлиссельбургскую крепость была отправлена разведка.

4

Понять, как наши военные забыли о крепости, невозможно, даже учитывая все реорганизации, что начиная с 1939 года происходили в Шлиссельбургской крепости...

Тогда в связи с осложнившейся международной обстановкой музей в крепости был закрыт.

Осложнившаяся международная обстановка – это подготовка к войне с Финляндией.

Советско-финская граница проходила в 1939 году по Ладожскому озеру, и в соответствии с договорами вооруженных сил у СССР здесь не было. Но при подготовке к войне эту несправедливость решено было ликвидировать.

Сформировали военную флотилию в октябре 1939 года – и главной базой определили Шлиссельбург. В крепость, как двести лет назад, вернулись военные, а экспонаты филиала вывезли в Музей Октябрьской социалистической революции...

Это внешняя канва событий.

Была, однако, и мистическая составляющая. В предвоенные годы, когда Россия начала выходить из исторического тупика, в который ее загнали пламенные революционеры-интернационалисты, снова вставала в строй и старинная русская крепость.

Интересно, что летом 1939 года в районной газете Шлиссельбурга появилась статья А.И. Румянцева «Из истории города Шлиссельбурга и крепости», которая впервые отрывала крепость от унылого тюремного прошлого...

«В итоге войны со Швецией в 1808-1809 годах к России присоединяется Финляндия, – писал автор, – после чего крепость и город Шлиссельбург теряют свое военно-стратегическое значение, так как Ладожское озеро стало внутренним русским водным бассейном»³.

Еще не началась война, но задачи предстоящей войны формулировались достаточно четко.

В духе предстоящей мобилизации проходило в 1939 году и празднование Дня Военно-морского флота СССР в Шлиссельбурге.

³ *Авангард*. – 1939. – № 67.

«Прохладное бодрое утро. Волнисто-облачное небо. Легкий ветер колышет разноцветные флаги, украшающие трибуну. Одиннадцать часов... заново переживая волнения и радости прошедшего праздника, писал корреспондент местной газеты «Авангард». – В полной боевой готовности выстроилась санитарная дружина города. Снова гремит оркестр, и на площадь выступает колонна рабочих, служащих инженерно-пионерского форпоста с красиво оформленными портретами членов политбюро...

Шестнадцать часов тридцать минут. Раздается гул моторов. Это идут катера Н-ского погранотряда. С большим интересом смотрят трудящиеся за действиями команд. Каждый командир и краснофлотец точно исполняют свои обязанности. Объявляется химическая тревога. Мгновенно командиры и краснофлотцы в противогазах появляются на палубе. Слышна команда: «Заводи моторы!» Один из катеров на быстром ходу ставит дымовую завесу, под прикрытием которой суда уходят».

5

К сожалению, в реальной жизни все оказалось не так красиво и складно.

Только 10 октября 1939 года, когда до начала боевых действий оставалось меньше двух месяцев, второпях начали формировать саму военную флотилию, а уже 6 ноября перед нею поставили и первую задачу – перебросить из Шлиссельбурга в Олонку 75-ю стрелковую дивизию.

Эту задачу, благо война еще не началась, флотилия с грехом пополам выполнила, а вот с высадкой десанта в заливе Сортанлакс ничего не вышло из-за отсутствия необходимых для десантирования транспортных судов.

Да и другие боевые задачи, связанные с уничтожением финских кораблей на Ладожском озере и поддержкой огнем флангов наступающих 7-й и 8-й армий, а также уничтожением береговых батарей противника на островах, если и были выполнены, то только частично и отнюдь не силами самой флотилии. Уже в январе 1940 года Ладога встала, и военным морякам пришлось становиться на лыжи.

Анализируя после войны причины неудач, командующий Ладожской военной флотилии капитан 2-го ранга Смирнов отметил в качестве недостатков слабую штурманскую подготовку, отсутствие на кораблях устройств и инструментов для кораблевождения в условиях военного времени, а также незнание командирами театра боевых действий и общую неподготовленность Ладожского театра к войне: «В то время как у нас на Ладожском озере не оказалось ни одной укрытой якорной стоянки, Финляндия создала такие гавани, которые нам даже не были известны».

Финская кампания 1939-1940 годов стала чрезвычайно важным уроком для всего военного руководства СССР. Соответствующие выводы были сделаны, хотя, может быть, и недостаточно решительные.

И это касалось не только сугубо военных вопросов оснащения и подготовки армии, но и вопросов идеологии и самой разработки системы патриотического воспитания.

Вот показательный пример.

Когда в связи с осложнившейся международной обстановкой закрывали музей в Шлиссельбургской крепости, вместе с другими экспонатами вывезли и установленную в 1902 году на стене церкви Иоанна Предтечи доску с именами русских солдат Преображенского и Семёновского полков, павших при штурме Нотебурга.

Какая-то логика в этом решении была.

Мемориальную доску изготовил заключенный Шлиссельбургской крепости народоволец Антонов, и ее увозили, видимо, как произведение рук героя «Народной воли».

Но, право же, насколько чудовищна эта так называемая логика, насколько несправедлива она по отношению к русской истории!

Мемориальную доску, которая ни художественной, ни исторической ценности не имела, по сути, сняли с могилы героев, имена которых были высечены на ней...

Время прошедшее, время минувшее,
Ты, для потомства в веках утонувшее,
Ты взволновало мне грудь.
Я на могиле. Землей призакрытая
Кости героев, давно позабытая,
Просят о них вспомнить.
Видел я кости, черепа прострелены,
В челюстях зубы крепки, не потеряны.
Все останки героев собрали
И в новой гробнице, большой, поместительной,
При остановке с почетом внушительной
Снова с молитвой земле их предали,
Окропивши святою водою. Крест водрузили.
Чтоб потомки героев своих не забыли, –

писал в 1902 году протоиерей Иоанн Флоринский, но теперь непререкаемая русофобская логика работников музея опрокинула все его надежды. Имена героев штурма Нотебурга, которые должны были вдохновлять и современных защитников Родины, оказались скрыты от них.

6

Казалось бы, нет прямой связи между деянием, совершенным в 1939 году сотрудниками музея, и неудачами Ладужской военной флотилии, но вспомните о незнании командирами кораблей театра боевых действий, по поводу которого сетовал командующий флотилией, – и связь эта сразу обнаружится.

Да потому и не знали, потому и не сумели узнать, что флотилии пришлось воевать на родной русской Ладоге как будто в чужой стране, где все было неизвестно.

Не только потому, конечно, но и поэтому тоже.

Увы...

Всего два года оставалось до начала страшной войны, а русскую историю по-прежнему продолжали рубить и кромсать.

И получалось, что новая советская история провисает в пустоте, которую снова нужно было заполнять обильно пролитой солдатской кровью. Дорого, очень дорого обошлось это всему народу Советского Союза...

7

В 1940 году Шлиссельбургскую крепость переформировали в Военно-морскую учебную базу на Ладожском озере, но 25 июня 1941 года, когда Финляндия вступила в войну с СССР, флотилия была воссоздана как боевое подразделение Балтийского флота. Главную базу ее разместили теперь в Сортанлахти и только 28 августа 1941 года перенесли назад в Шлиссельбург.

С начала войны флотилия успела совершить немало героических дел, связанных с эвакуацией прижатых финнами к Ладоге советских дивизий. Всего за осеннюю навигацию на восточный берег было переброшено свыше 20 тыс. солдат и офицеров и еще более 33 тыс. человек

эвакуировано из Ленинграда. Достаточно смело, как это видно по воспоминаниям непосредственных участников переправ, действовали моряки и на Неве.

Но вот почему командование флотилии даже не попыталось эвакуировать или хотя бы уничтожить крайне ценный боезапас – история весьма темная, и объяснить ее можно только каким-то помутнением сознания.

Во всяком случае, политкомиссар Зиновий Исаакович Бродский в своих воспоминаниях, «чтобы избежать кривотолков о приоритетах», пишет об этой истории с достойной комиссара-чекиста предусмотрительностью: «А затем в Орешек прибыли моряки-артиллеристы 409-й батареи (состояла из двух 76-миллиметровых и четырех 45-миллиметровых пушек) отдельного морского артиллерийского дивизиона. Помнится, личного состава в ней было 55 человек, а гарнизон дивизии составлял в это время 200-250 человек (в него входили стрелковая рота, две батареи 76-миллиметровых и 45-миллиметровых орудий, рота 82-миллиметровых и рота 50-миллиметровых минометов, рота станковых и ручных пулеметов, взводы связи и хозяйственный, медицинская часть). По прибытии в крепость моряки откопали «забытые» на территории Орешка при уходе из него 7 сентября 1941 года прицелы и замки двух 45-миллиметровых орудий и заняли огневые позиции».

Вот так-то!

Моряки уходили из Шлиссельбургской крепости, успев только закопать в землю замки и прицелы с орудий!

8

Как известно, именно 8 сентября 1941 года немецкие войска вышли с юга на побережье Финского залива в районе Стрельны.

И там тоже – таким неожиданным был прорыв, что даже движение трамваев не было остановлено! – немецкие солдаты, забравшись в вагоны, в принципе, могли въехать в Ленинград на трамвае.

Почему наши военные допустили, чтобы такое стало возможным, понятно: ими владела тогда страшная растерянность. Но вот почему не сумели воспользоваться этой ситуацией немцы, понять труднее. Они в сорок первом году подобных промахов не прощали.

Но странно.

Вышедшие на трамвайную остановку немцы – и трамвай ведь шел прямо в центр города! – застряли на этой остановке на два года, да так и не сумели взять Ленинград!

Вышедшие к пустой Шлиссельбургской крепости немцы тоже так и не смогли взять ее в течение пятисот дней – так и не удалось им запечатать свинцовой печатью «бутылочное горло»⁴.

И ничего не понять тут, кроме того, что на 8 сентября приходится праздник Сретенья Владимирской иконы чудотворной Божией Матери...

Этот праздник установили в 1395 году, когда, после того как перенесли из Владимира в Москву чудотворную икону Владимирской Божией Матери, по неведомой историкам причине остановившиеся на подступах к Москве войска Тамерлана повернули назад и ушли...

Хотя, если разобраться, можно найти еще один церковный праздник, может быть, еще более точно проясняющий смыслы и значения тех сентябрьских дней.

Это 11 сентября – храмовый праздник Шлиссельбургской крепости, День Усекновения главы пророка Иоанна Предтечи. Это тогда в пустую крепость, наполненную снарядами, вошли подразделения 2-го стрелкового полка 1-й дивизии войск НКВД.

Они и стали первым гарнизоном Орешка.

⁴ Немецкий плацдарм шириной 20 км, упирающийся в Ладогу между Шлиссельбургом и рекой Навией.

Военные историки единодушны, что положение блокированного Ленинграда и защищающих его войск было бы значительно хуже в случае захвата противником Шлиссельбургской крепости. Под ее прикрытием ударные силы немецких войск смогли бы соединиться с финскими войсками и тем самым полностью замкнуть кольцо блокады Ленинграда.

Почти 500 дней – с 9 сентября 1941-го по 18 января 1943 года – продолжалась воистину героическая оборона крепости, но повторим еще раз: 8 сентября немцы могли войти в крепость, не потеряв ни одного солдата.

9

Первым комендантом Шлиссельбургской крепости был назначен кадровый пограничник капитан Николай Иванович Чугунов. Вместе с прибывшим в дивизию представителем штаба фронта генералом В.В. Семашко и полковником С.И. Донсковым он сразу же отправился в крепость вступать в командование гарнизоном.

Когда вечером 11 сентября Валентин Алексеевич Марулин, которого назначили комиссаром крепости, прибыл в шлюпке на Ореховый остров, на острове уже налаживалась гарнизонная жизнь.

«Штаб гарнизона разместили в Надзирательском корпусе, – вспоминал Валентин Алексеевич. – Здесь я и познакомился с первым комендантом крепости – капитаном в форме пограничника. Он не просто прочел, а дотошно изучил выданное мне предписание, смерил с головы до ног пристальным взглядом и проговорил с официальным холодком в голосе:

– Идемте ко мне, там и поговорим.

Капитан Чугунов долго, заинтересованно и тактично расспрашивал меня, где я служил в мирное время, где встретил войну, как сложилась личная жизнь. Попутно рассказал и о себе, о своей службе. После этого обстоятельного разговора мы оба почувствовали себя так, будто давно знали друг друга.

Капитан поднялся, дружески улыбаясь, похлопал меня по плечу:

– Ничего, сработаемся, комиссар, найдем общий язык. Должны сработаться: мы же коммунисты, да и пограничники к тому же. Пойдем знакомиться с крепостью.

Меня удивила малочисленность гарнизона. Если враг попытается овладеть крепостью, то для этого ему хватит и одной пехотной роты.

– Через день положение изменится, – проговорил Чугунов».

Глава вторая ОСТРОВ В ОГНЕ

*– Трудна дорога на Мгу...
Хотел бы дойти – да не могу!
– А ты моги –
Вот и дойдешь до Мги...*

Солдатское присловье

Сразу после того, как 8 сентября немцы замкнули блокадное кольцо, в Ставке было принято решение о создании в Волхове 54-й отдельной армии, основной задачей которой было разломать Шлиссельбургское «бутылочное горло».

На формирование и подготовку новой армии Ставка отвела три дня. Командующим армией назначили маршала Григория Ивановича Кулика.

Уже 10 сентября части армии Г.И. Кулика начали движение от реки Назиы в сторону Шлиссельбурга...

1

На Шлиссельбургско-Синявинском выступе полоса обороны немцев не превышала двадцати километров, а оборону здесь держали лишь две немецкие дивизии, и никакого сомнения в успехе операции не могло быть, однако тут в дело вмешался Георгий Константинович Жуков, уже приступивший к обязанностям командующего Ленинградским фронтом.

Он добился от Ставки, чтобы 54-я армия прорывала блокаду Ленинграда в районе станции Мга, где оборона немцев была гораздо мощнее, и вообще сделал, кажется, все, чтобы 54-я армия не смогла решить свою задачу.

Г.К. Жуков сам объяснил, чем он руководствовался при этом.

«Условия деблокации Ленинграда в сентябре 1941 года требовали, чтобы 54-я армия действовала более энергично и в полном взаимодействии с частями Ленинградского фронта, – вспоминал он. – Однако нам не удалось решить вопросы совместных действий так, как этого требовала обстановка».

Смысл слов «решить вопросы совместных действий так, как этого требовала обстановка» существенно сузится, если мы вспомним о предшествующем признании самого Жукова, что Ленинградский фронт не мог «выделить войска для встречных действий», поскольку все было брошено на главное направление. «Совместные действия» в понимании Г.К. Жукова означали, что 54-я армия Г.И. Кулика должна не прорывать блокаду города, а отвлекать немецкие силы от направления главного их удара, чтобы ослабить нажим немцев под Урицком и Старо-Пановом.

Об этом свидетельствует и телеграфный разговор с маршалом Г.И. Куликом, который состоялся в ночь на 15 сентября 1941 года и который Г.К. Жуков тоже приводит в своих воспоминаниях.

Жуков. Приветствую тебя, Григорий Иванович! Тебе известно о моем прибытии на смену Ворошилову? Я бы хотел, чтобы у нас с тобой побыстрее закипела работа по очистке территории, на которой мы могли бы пожать друг другу руки и организовать тыл Ленинградского фронта... Прошу коротко сообщить обстановку на твоём участке.

Кулик. Здравия желаю, Георгий Константинович! Очень рад с тобой вместе выполнять почетную задачу по освобождению Ленинграда. Также жду с нетерпением момента встречи. Обстановка у меня следующая.

Первое. В течение последних двух-трех дней я веду бой на своем левом фланге в районе Вороново, то есть на левом фланге группировки, которая идет на соединение с тобой. Противник сосредоточил против основной моей группировки за последние два-три дня следующие дивизии. Буду передавать по полкам, так как хочу знать, нет ли остальных полков против твоего фронта. Начну справа: в районе Рабочий поселок № 1 появился 424-й полк 126-й пехотной дивизии, ранее не присутствовавший на моем фронте. Остальных полков этой дивизии нет. Или они в Шлиссельбурге, или по Неве и действуют на западе против тебя, или в резерве в районе Шлиссельбурга.

Второе. В районе Синявино и южнее действует 20-я мотодивизия, вместе с ней отмечены танки 12-й танковой дивизии.

Третье. На фронте Сиголово – Турышкино развернулась 21-я пехотная дивизия. Совместно с ней в этом же районе действует 5-я танковая дивизия в направлении Славянка – Вороново.

В течение последних трех дней идет усиленная переброска из района Любань на Шапки, Турышкино, Сологубовку мотомехчастей и танков. Сегодня в 16.30 замечено выдвижение танков (более 50) из района Сологубовка на Сиголово, а также отмечается большое скопление войск в лесах восточнее Сиголово и северо-восточнее Турышкино. Кроме того, появилась в этом же районе тяжелая артиллерия. Сегодня у меня шел бой за овладение Вороновом. Это была частная операция для предстоящего наступления, но решить эту задачу не удалось. Правда, здесь действовали незначительные соединения. Я сделал это умышленно, так как не хотел втягивать крупные силы в эту операцию: сейчас у меня идет пополнение частей.

Линия фронта, занимаемая 54-й армией, следующая: Липка – Рабочий поселок № 8 – Рабочий поселок № 7 – поселок Эстонский – Тортолово – Мышкино – Поречье – Михалево.

Противник сосредоточивает на моем правом фланге довольно сильную группировку... Жду с завтрашнего дня перехода его в наступление. Меры для отражения наступления мною приняты, думаю отбить его атаки и немедленно перейти в контрнаступление. За последние три-четыре дня нами уничтожено минимум 70 танков... Во второй половине 13 сентября был сильный бой в районе Горное Хандрово, где было уничтожено 28 танков и батальон пехоты, но противник все время, в особенности сегодня, начал проявлять большую активность. Все.

2

«Из рассуждений Г.И. Кулика, таким образом, следовало, что в течение ближайшего времени его армия наступать не собирается, – писал Г.К. Жуков. – Это нас никак не устраивало, так как положение под Ленинградом становилось критическим. Помимо прямых действий со стороны 54-й армии я рассчитывал также на привлечение авиации этой армии для ударов по важным районам на подступах к Ленинграду. Надо было разъяснить это моему собеседнику».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.